

Родольфо Раджоньери

СТРУКТУРА СИСТЕМЫ И ДИНАМИКА КОНФЛИКТОВ

(1)

В эпоху "холодной войны" представлялось очевидным рассматривать локальные и региональные конфликты в контексте биполярной структуры более широкой международной системы. В нынешней ситуации характеристика международной системы уже с трудом укладывается в рамки простой теоретической модели. Тем не менее невозможно заниматься проблемой конфликтов в Европе без оглядки на структуру международной системы. Здесь мы берем во внимание общую структуру системы. Революции в странах Центральной и Восточной Европы и дезинтеграция Советского Союза дали толчок выдвиганию множества гипотез по этому поводу. В настоящей статье мы рассмотрим четыре из них:

- гипотезу "однополярности";
- тезис многополярности, т.е. нового баланса сил;
- тенденцию к формам мирового правления, или росту значения международных организаций (2);
- "столкновение цивилизаций".

Однополярность

Тезис об однополярности находит наиболее яркое подтверждение в подавляющем военном превосходстве США над всеми другими государствами или возможными коалициями государств, а также в размерах и степени независимости их национальной экономики: ближайшие конкуренты, такие, как Япония и Германия, находятся в сильной зависимости от внешних энергетических ресурсов. Оба эти фактора могли бы вывести США в фактические лидеры новой международной системы. По мнению Чарлза Краутхаммера (3), сложность нынешней международной системы и очевидная неоднородность ее участников с точки зрения ценностей, стандартов поведения и целей оставляют нам только две возможности - однополярность или хаос.

Сторонники и критики глобальной гегемонии США полагали, что война в Персидском заливе предоставила неопровержимые доказательства их точки зрения. Казалось, что лидерство США, проявленное в период этого кризиса и военных действий, станет моделью нового управления мировой системой. Этот анализ совершенно не учитывал хитросплетение региональных и глобальных интересов, которое и сделало возможным интервенцию и войну против Ирака. Более того, казалось, что настал момент для претворения в жизнь предложения президента Джорджа Буша о "новом мировом порядке", который следовало построить на гегемонии США и в институциональных рамках ООН. Следующий шаг в этом направлении, как представлялось, был воплощен в планах Пентагона по выработке военной стратегии США после окончания "холодной войны", стратегии, нацеленной на то, чтобы не допустить возникновения какой-либо новой военной державы, способной оспаривать первенство США.

Реальность международной политики сегодня доказала необоснованность этих предположений. Политика США в югославском кризисе с достаточной очевидностью продемонстрировала, что реальная роль лидера в мировых делах им не по плечу: США осуществили открытое военное вмешательство на Балканах только тогда, когда проблемы, которые могли бы быть связаны с войной на суше, были в основном сняты хорватско-боснийским наступлением летом 1995 г. (проведенным при поддержке США) и когда военная интервенция сил США и НАТО могла в сравнительно короткие сроки придать ситуации некоторую определенность с хорошими

перспективами дипломатического разрешения конфликта. В общем, представляется, что США не имеют ни желаний, ни реальных сил, чтобы эффективно справиться с управлением международной системой и решать ее самые горячие вопросы. Это связано с уменьшающейся относительной ролью США, и тот факт, что они являются наиболее мощной военной державой и единственной мировой сверхдержавой, не подразумевает автоматически их способности и готовности править международной системой.

Баланс сил

Этот неореалистический прогноз эволюции международной системы предполагает возрождение национальных государств, невзирая на все пророчества об их упадке. В своей экстремальной версии он рассматривает возрождение старой модели силовой политики в Европе и мире (4). Более поздние (и менее жесткие) аналитические прогнозы, используя исторические аналогии и неореалистические теории, предполагают выдвижение Японии (и, возможно, Германии) в качестве мировых держав. Это изменение расстановки сил в международной системе повлечет за собой создание многополярной структуры военного баланса сил. В таком мире нельзя не принимать во внимание возможность войн, даже если кажется вероятным, что "конфликт между великими державами разыграется скорее на экономическом, а не на военном поле действий" (5).

Многополярная структура в прямом смысле этого слова, т.е. многополярный баланс сил, вряд ли адекватно отражает существующую ныне международную систему. Семь основных экономических держав решают - или пытаются решать - свои проблемы на саммитах Большой семерки. Этот факт, однако, не означает, что существует "мировое правление", так как по многим общим вопросам и по вопросам региональных конфликтов державы, во-первых, не приходят к согласию, а во-вторых, не способны претворять в жизнь решения на любом уровне. Тем не менее глобального геополитического соперничества в настоящее время, видимо, не намечается. Так, представляется маловероятным, что произойдет процесс эскалации, аналогичный тому, который привел к Первой мировой войне.

Институциональная гипотеза

Согласно данному прогнозу, международные организации в будущем будут иметь все большее значение, и это воспрепятствует возрождению силового соперничества, способному дать толчок новому витку гонки вооружений и глобальным конфликтам. Здесь принимались во внимание различные гипотезы. Например, Ричард Роузкранс предложил "новое Соглашение" держав (Concert of Powers), т.е. коалицию крупнейших экономических и военных держав с широкими договоренностями по идеологическим и политическим принципам; участники коалиции будут стараться привлечь на свою сторону более мелкие страны, не могущие в комплексе уравновесить собой эту группу (6).

Те ученые, которые сосредоточивают свое внимание на повышении роли международных организаций, скорее высказывают свои надежды и предложения, чем дают убедительный анализ сложившейся международной системы. Тем не менее имеющаяся сеть международных организаций делает неразумным для государств возвращение к чистой политике силы, как предполагают теоретики-реалисты. Такой подход, хотя он и не пренебрегает возможными негативными последствиями изменений в международной системе, делает акцент на важную роль международных организаций в уменьшении неопределенности на мировой арене путем стабилизации ожиданий сторон и, таким образом, укрепления сотрудничества между ними. Другими словами, основная роль организаций - это смягчение логики "дилеммы безопасности", которая, по мнению реалистов, пронизывает собой международные отношения.

Столкновение цивилизаций

Эту гипотезу выдвинул Сэмюэл Хантингтон (7), и она скорее применима к конфликтам в международной системе, чем к ее структуре. Согласно этой гипотезе, в ближайшие годы основным

источником конфликтов будет столкновение культур. Это исходное предположение не означает, что родство цивилизаций целиком заменит другие "родственные связи" или что цивилизации станут единственными действующими силами на международной арене. Тем не менее, по Хантингтону, два фактора здесь наиболее существенны. Во-первых, представители разных цивилизаций имеют различные воззрения на базовые связи и отношения (Бог - личность, личность - общество и т.д.) и эти различия не исчезнут легко и быстро. Во-вторых, растущие взаимосвязи, значительно облегчившиеся в современном мире, усиливают осознание собственной цивилизации и ее отличие от других. Благодаря этим двум факторам установки, способные разжечь конфликт, разрастаются быстрее, чем могут быть созданы механизмы регулирования и разрешения конфликтов, нацеленные на их сдерживание, по крайней мере в краткосрочной перспективе (8).

Слабая сторона этой гипотезы, хотя и побуждающая к размышлению, - это чрезмерная сплоченность, которую она, по всей видимости, приписывает цивилизациям. Например, критики отмечают большое количество внутренних делений в исламе. Более того, идея глобальной конфронтации между (гипотетическим) конфуцианско-исламским блоком и Западом имеет серьезный недостаток не только потому, что с трудом можно рассматривать эти цивилизации как интегрирующие - каковыми были идеологии в течение нынешнего столетия, - но и по двум другим причинам. Во-первых, "доказательства", которые приводит Хантингтон (военное сотрудничество, общие позиции в международных организациях и форумах), можно использовать для подтверждения массы различных гипотетических союзов в международной системе. Во-вторых, выбор конфронтационной установки, подсказанный подобными идеями, может стать самоосуществляющимся, так как может противопоставить даже не желающих того "конфуцианских" и "исламских" деятелей Европе и США. Условные гипотезы, типологии и конструкции будущей идеальной международной системы должны быть сопоставлены с определенными характеристиками существующего мира, которые не были должным образом учтены авторами классических трудов по международным отношениям. В настоящее время нам необходимо более тщательно учесть различные формы сил и осложняющие факторы.

Различные формы сил и их неравномерное распределение

Случаи, когда экономически сильная держава обладала незначительной военной силой, в истории весьма редки. Даже Венецианская республика и Соединенные провинции Нидерландов были вынуждены так или иначе создавать и поддерживать необходимую армию для защиты своих экономических интересов. Напротив, случаи, когда великая военная держава имела сравнительно слабую экономическую базу, встречались чаще. Когда война считалась нормальным (и часто наиболее эффективным) средством разрешения межгосударственных противоречий и споров, считалось также логичным "приспосабливать" военную мощь таким образом, чтобы дать политическим и экономическим устремлениям надлежащие средства их осуществления.

Оценить перспективы основных держав (кроме США) трудно. В то время как в прошлые века укрепление военной машины считалось одной из обычных прерогатив держав, в настоящее время легитимность подобных средств подвергается почти повсеместному сомнению. Много говорилось и о восстановлении законности военных действий как средства разрешения международных споров (война в Персидском заливе и в бывшей Югославии). Я, скорее, склонен считать, что для западных держав война приемлема только в том случае, если фактически боевые действия не ведутся, и это доказывает тот факт, что даже крупный контингент сил ООН, находившийся в Боснии-Герцеговине, не вмешался в события, что общества с развитой демократией и высоким уровнем жизни не допускают возможности больших потерь в личном составе. Таким образом, в настоящий момент процесс широкомасштабной гонки вооружений воспринимается как несущий гораздо большую угрозу и приносящий гораздо меньше плодов, чем в прошлом. Вывод: представляется, что ведущие экономические державы гораздо меньше заинтересованы в том, чтобы тратить соответствующую часть своего бюджета на создание значительных вооруженных сил, чем то было раньше. Поэтому трудно говорить о соответствующем "балансе сил". Напротив, представляется вполне вероятным, что различные формы сил и в дальнейшем будут распределяться неравномерно.

Если мы хотим использовать модель баланса сил, то следующая трудность, с которой мы столкнемся, - это растущая неоднородность международной системы. Во-первых, нельзя пройти мимо самого факта увеличения числа ее участников. В международной системе золотого века баланса сил было примерно пять держав и небольшое число второстепенных участников. Сейчас число основных участников около десяти. Более того, необходимо принимать во внимание и их культурную неоднородность. В век исторических балансов сил (Италия XV в. или крупные европейские державы в период от подписания Вестфальского мира до Первой мировой войны) действующие лица на мировой арене отличались высокой степенью однородности культуры. Этот аспект был четко выделен классическими мыслителями-реалистами, такими, как Раймон Арон и Ганс Дж. Моргентау (9). В настоящее время, несмотря на риторику о "мировой деревне" и нивелирующую силу международных средств массовой информации, весьма сомнительно, что крупные и средние державы разделяют общие ценности и цели. Этот важный момент был отмечен в статье Хантингтона, несмотря на его чрезмерный детерминизм при определении линий раздела между цивилизациями и конфликтных тенденций в мировой политике. Следующий аспект сложности нынешней мировой системы - это возможные претенденты на роль ниспровергателей мирового порядка. В XIX и XX вв. они всегда были из европейских стран. Несмотря на этот факт, попытка национал-социалистической Германии навязать миру новый порядок, нарушающий общепринятые принципы мировой политики, вызвала всеобщую войну, после того как межвоенная дипломатия и попытки мирного урегулирования оказались несостоятельными.

В нынешней ситуации сторона, оспаривающая фактическую расстановку экономических и военных сил, может использовать стратегию Хомейни или Саддама (10), т.е. либо отстаивать свою абсолютную "инаковость" с точки зрения культуры и норм межгосударственного поведения, как Хомейни, либо пытаться бросить вызов военно-политической гегемонии крупнейших держав в стратегически жизненно важных регионах, как Саддам Хусейн. Еще одна угроза, обусловленная различием культур, связана с массовой миграцией населения стран "третьего мира" в развитые страны. В то время как второй фактор можно рассматривать с точки зрения реалистической традиции, "хомейнистский" и иммиграционный сценарии не вписываются в рамки традиционных теорий международных отношений, вращающихся вокруг государственного суверенитета.

Еще одна характерная черта современной международной системы, обуславливающая ее сложность, - это так называемая регионализация системы (11). Это прежде всего означает дробление глобальных структур безопасности, характерных для эпохи "холодной войны" (12). Согласно этой гипотезе, мы имеем "центральную коалицию" государств, которые не чувствуют угрозы со стороны других государств. В эту коалицию входят страны Атлантического сообщества (НАТО) и Япония, не испытывающие реальной угрозы со стороны других государств, даже тех, которые не входят в коалицию. Региональные подсистемы, такие, как Ближний Восток или СНГ, лишь частично связаны с этим центральным регионом: в отличие от периода "холодной войны" представления о безопасности основных участников международной системы не оказывают непосредственного воздействия на модели безопасности и конфликтов в периферийных подсистемах.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что транснациональная взаимозависимость, различные виды сил и сложность международной системы делают определение сил и интересов, равно как и вытекающие из этого прогнозы, гораздо менее надежными, чем в прошлом. Государствам - участникам международной системы становится все труднее четко отграничить свои собственные интересы от интересов других участников (как государств, так и не государств). Например, судьбы Германии и Франции внутри ЕС настолько сильно взаимосвязаны, что Бундесбанк защищает французский франк так, как если бы это была германская денежная единица. Это вовсе не означает, что так называемая франко-германская ось останется стабильной, несмотря на любые пертурбации, но пересмотр германской или французской внешней политики с точки зрения чисто национальных интересов, вероятно, стоил бы очень дорого (13).

Более того, приведенные выше факторы делают невозможным возврат в мир абсолютных суверенитетов. Даже если такой мир когда-то и существовал, представляется маловероятным вновь вернуться в него.

Если посмотреть на ситуацию более реалистично, то можно ожидать сочетания роста значения международных организаций и взаимодействия балансов различных типов сил (14). В этом мире дифференцированных сил порождающий конфликты разноразличных ценностей делает прогнозы и оценки кризисов и конфликтов все более трудным и тонким делом.

Динамика конфликтов

Утверждение, что развал коммунизма и перемены в международной системе открыли новую фазу конфликтов, ожесточенность и длительность которых не смогло предвидеть большинство ученых и политиков, стало почти трюизмом. Динамика конфликтов в бывших коммунистических странах вскрывает характерный механизм позитивной обратной связи между локальными причинами и изменениями в международной системе. Выше мы уже в общих чертах показали, как социальные и политические структуры явились причиной этнических конфликтов в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе. Даже если эти конфликты и не были иницирующим фактором окончательного кризиса коммунизма, после них этот кризис приобрел уже необратимый характер. В свою очередь ослабление советского контроля в Восточной Европе, распад самого Советского Союза и последующее падение биполярной системы уничтожили те факторы, которые сдерживали конфликтное поведение. В бывшем советском блоке таким фактором был фактический и прямой контроль, в то время как в Югославии мы столкнулись с последствиями как идеологического крушения коммунизма, так и исчезновения внешней угрозы - советской военной мощи, которая в большой степени определяла югославскую внешнюю политику и политику безопасности после Второй мировой войны и, возможно, была одной из причин сохранения национального единства (15).

Все еще неопределенная структура международной системы, вкратце описанная в предыдущем параграфе, стала еще одним фактором, способствующим неразберихе. Если рассмотреть идеальные типы международной системы, кратко описанные выше, нетрудно понять, что осознание возможности преобладания во внешней политике главных участников международной системы неопределенности и/или ренационализации внешней политики толкает остальных участников к более рискованному поведению. Когда Саддам Хусейн решил оккупировать Кувейт, он рассчитывал на то, что США, крупнейшие европейские державы и его противники в арабском мире не создадут в коалицию против него. В данном случае он недооценил гегемонию США и осознание угрозы, вызванное его политикой. Возможно, на то же рассчитывала националистическая (бывшая коммунистическая) верхушка в Белграде. Во втором случае прогноз оказался ближе к действительности еще и из-за серьезного несовпадения интересов и традиционных установок внутри союза западных стран, а также особой и более активной роли России. В любом случае различные представления о структуре международной системы способствовали возникновению конфликта, а возможно, и его эскалации.

Если сравнить представления сербской элиты с представлениями элит Словении, Хорватии или мусульманской общины Боснии-Герцеговины, можно сделать вывод, что в Белграде международную систему рассматривали с точки зрения "структурной анархии", в то время как вышедшие из союза республики, может быть, переоценили либо однополярную, либо институциональную тенденции.

Неопределенность анализа структуры международной системы затрудняет также оценку конкретных рисков горизонтальной эскалации, т.е. распространения локального конфликта на участников, не вовлеченных в него в настоящий момент. Некоторые аналитики выражают серьезные сомнения в вероятности эскалации конфликта из-за отсутствия "эффекта стервятника". Это означает, что ни одно государство не заинтересовано либо не имеет возможности достичь

преимущества от вмешательства в эти конфликты, а основные державы не имеют на Балканах жизненно важных интересов. В этом заключается существенное отличие от периода, предшествовавшего Первой мировой войне, которое делает краткосрочный риск эскалации конфликта менее вероятным, чем в 1914 г., и этим объясняется тот факт, что проводить параллели между Сараево 1914 г. и Сараево 1992 г. вряд ли уместно.

Если более пристально всмотреться в структуру конфликтов, причина этого отличия станет очевидной. Чтобы прояснить свою точку зрения, я рассмотрю "концентрические круги" участников нынешнего конфликта на Балканах (16). Внутренний круг участников состоит из государств, попавших в ловушку разногласий и конфликтов, истоки которых лежат в распаде бывшей Югославии (Албания, Босния-Герцеговина, Болгария, Хорватия, бывшая югославская республика Македония, Греция и новая Югославия). Во второй круг участников входят те государства, которые имеют какие-то важные интересы (проблемы национальных меньшинств, споры о границах, проблемы беженцев и т.д.) во внутреннем регионе (Австрия, Венгрия, Италия, Молдова, Румыния, Словения). Наконец, внешний круг участников состоит из государств, которые либо преследуют в регионе собственные интересы (дипломатические, политические, военные, экономические), либо способны сыграть там существенную роль (Франция, ФРГ, Великобритания, Российская Федерация, США).

Если мы рассмотрим диаду Австро-Венгрия - Сербия, давшую начало конфликта в июле 1914 г., структурное отличие от нынешней ситуации станет очевидным: великая держава, находящаяся в стадии упадка (Австро-Венгрия) в союзе с растущей державой, претендующей на изменение мирового порядка (Германия), была непосредственно вовлечена в конфликт; с другой стороны, Сербия была связана с Россией, а через нее с Францией и Великобританией, гегемония которой была близка к закату.

Не так было в случае конфликта, происшедшего вследствие распада Югославии, даже если бы можно было усмотреть здесь четкие коалиционные модели. Более того, вряд ли возможно увидеть модель образца 1914 г. и в других конфликтах в Центральной и Восточной Европе, как на Балканах, так и в СНГ. Так, горизонтальная эскалация конфликтов в этих регионах расценивается как маловероятная, по крайней мере в кратко- и среднесрочной перспективе. Тем не менее было бы заблуждением заключать из этого, что эти проблемы носят только локальный характер и что они не представляют угрозы общеевропейской безопасности. Напротив, необходимо учитывать следующие факторы:

- а) экономические и социальные проблемы;
- б) распространение "локальных" конфликтов;
- в) беженцы;
- г) угроза подрыва доверия к европейским институтам, а следовательно, и стабильности существующей институциональной и структурной конфигурации европейской безопасности.

В начале 90-х годов XX в. можно было думать, что все перечисленные факторы могут оказаться смертельно переплетенными в кошмарном сценарии примерно следующего содержания. Экономические и социальные проблемы, а также свобода эмиграции, с одной стороны, войны и даже страх перед возникновением новых силовых конфликтов - с другой, вызывают рост эмиграционного потока на Запад из стран Центральной и Восточной Европы и СНГ. Больше того, нельзя забывать, что иммиграция из Магриба, Египта и Сахельской Африки не уменьшается. Это внешнее давление вкупе с экономическим кризисом в Западной Европе (никоим образом не облегченным процессом объединения Германии) вызывает к жизни протекционистскую и ограничительную иммиграционную политику, имеющую обратную связь с экономическими и социальными условиями в странах Центральной и Восточной Европы и СНГ. В то же время серьезные проблемы, с которыми сталкиваются международные организации в своем стремлении

эффективно влиять на возникающие конфликты, приводят к обострению кризиса этих институтов. В частности, процесс политической интеграции в Европе из-за перечисленных трудностей зашел в тупик и, кажется, застыл. Более того, так называемый процесс ренационализации западноевропейской внешней политики, т.е. попытка пересмотреть свою внешнюю политику и вести ее с позиции чисто национальных интересов, подпитывается двумя вышеуказанными процессами (миграциями и тупиком европейской политической интеграции). Нетрудно увидеть, что для Германии нестабильность в странах Центральной и Восточной Европы и европейской части СНГ представляет гораздо более непосредственную угрозу. Таким образом, активная экономическая роль Германии в бывших коммунистических странах соответствует интересам безопасности Германии даже в краткосрочном плане (ослабление миграционного давления и понижение вероятности конфликтов), в то же время эта роль может вызвать подозрения в том, что Германия вновь собирается играть первую скрипку в европейской политике (динамика дилеммы безопасности).

Подозрения и расхождения ближайших интересов могут усилить тенденции к ренационализации внешней политики и политики безопасности и, соответственно, стагнацию или даже откат назад процесса европейской интеграции. При худшем - или по крайней мере неблагоприятном - развитии событий мы можем столкнуться с двумя последствиями:

- а) станет почти невозможно остановить или даже контролировать горизонтальную эскалацию насилия;
- б) мало-помалу политика силы и идеи о международных отношениях как играх с нулевым знаменателем могут усилиться с соответствующим ослаблением роли посредничества или сотрудничества в международных институтах.

Тем не менее не далее чем в 1996 г. война в Боснии-Герцеговине, хотя и чрезвычайно кровопролитная, была впервые ограничена в масштабах, а затем, по крайней мере временно, остановлена. Более того, другие возможные насильственные конфликты не разразились. Несомненно, важным фактором здесь был негативный пример войны во всей бывшей Югославии. Ни отделение, ни крайний национализм, казалось, не сулили заманчивых альтернатив. Окончательная победа Хорватии была достигнута весьма высокой ценой, а сербская элита не смогла достигнуть своих главных целей. К тому же все вовлеченные в войну стороны оказались - по крайней мере формально - в международной изоляции. Наряду с воздействием этого предостерегающего примера экономическая ситуация (относительно более благоприятная, чем мог предсказать наиболее пессимистично настроенный ум) и политическая стабилизация способствовали тому, что динамика как возникновения, так и эскалации конфликтов пошла на спад. Связи с Западом и его институтами, Европейским союзом и, в ряде случаев, с НАТО теперь привлекают восточноевропейские и Балканские страны гораздо сильнее, чем национализм. Это также вызвано устойчивостью международных, и в особенности европейских, институтов. Эволюция этих институтов шла не по оптимальному пути, но они не утратили своего значения, как это предсказывали иные реалисты.

Это не означает, что существующая международная система - и европейская подсистема в особенности - является абсолютно стабильной и что сценарий эскалации полностью исключен. Тем не менее перспективы после происшедших в международной системе перемен кажутся не такими мрачными, какими они были пару лет назад.

-
1. Статья представляет собой слегка переработанную версию работы, написанную в рамках второго этапа научно-исследовательского проекта "Европейская безопасность в 1990-х годах", организованного Форумом по проблемам мира и войны (Флоренция).
 2. Эти три гипотезы соответствуют трем типам международной системы (иерархическая система, баланс сил, универсальная система) из шести, рассматриваемых М. Капланом. См.: Kaplan M. *System and Process in International Politics*. New York: Wiley, 1958. P. 21 - 53.

3. См.: Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. Vol. 70. No. 1 (America and the World 1990 - 91). P. 23 - 33.
4. См.: Mearsheimer J. Back to the Future: Instability in Europe After the Cold War // International Security. Vol. 15. No. 1 (Summer 1990). P. 5 - 56.
5. Layne C. The Unipolar Illusion // International Security. Vol. 17. No. 4 (Spring 1993).
6. См.: Rosecrance R. A New Concert of Powers // Foreign Affairs. Vol. 71. No. 2 (Spring 1992). P. 64 - 82.
7. См.: Huntington S. The Clash of Civilizations // Foreign Affairs. Vol. 72. No. 3 (Summer 1993). P. 22 - 49. Критику гипотезы Хантингтона см.: Ajami F. The Summoning // Foreign Affairs. Vol. 72. No. 4 (September/October 1993). P. 2 - 9.
8. Сходная точка зрения, хотя и с совершенно другой исходной позиции, представлена Йоханом Гальтунгом (см.: Galtung J. Western Civilization: Anatomy and Pathology // Alternative. Vol. 7. No. 2 (Fall 1981). P. 145 - 170).
9. См.: Morgenthau H. Politics Among Nations. The Struggle For Power and Peace (6th ed.). New York: Knopf, 1985. P. 233 - 240.
10. См.: Wallerstein I. The World System After The Cold War // Journal of Peace Research. Vol. 30. No. 1 (February 1993). P. 1 - 6.
11. См.: Buzan B. The Interdependence of Security and Economic Issues, в: New World Order // Stubbs R., Underhill G. Political Economy and the Changing Global Order. London: Macmillan, 1994. P. 89 - 102.
12. Интересно, что "структура безопасности", согласно этой гипотезе, идет к раздроблению, регионализации, в то время как структура производства, финансов и знаний подвержена усиливающемуся процессу глобализации.
13. Не следует забывать, что слово "необратимый" не означает, что "нечто нельзя повернуть вспять или отменить": в классической термодинамике трансформация называется необратимой, если обратная трансформация невозможна в изолированной системе. Степень энтропии не уменьшается в изолированной системе, но может уменьшаться в системах, которые не являются изолированными!
14. См.: Nye J. What New World Order // Foreign Affairs. Vol. 71. No. 2 (Spring 1992). P. 83-96.
15. После столкновений в Косово в 1991 г., Стане Доланц, член президиума правящей партии от Словении, заявил журналистам, что народы Югославии могут воевать друг с другом, но в случае нападения противника извне они будут противостоять ему все как один. Один из журналистов поинтересовался, что будет, если нападения извне не случится. См.: Pirjevec J. Il giorno di San Vito. Jugoslavia 1918 - 1992. Torino: Nuova ERI, 1993.
16. См.: Bozzo L., Ragionieri R. Regional Security in the Balkans and the Role of Turkey: An Italian Perspective // The Southeast European Yearbook 1992. Athens: Hellenic Foundation for Defense and Foreign Policy, 1993. P. 11 - 41.